

УДК 94(470.4)

Куёк Асфар Сагидович

д-р филол. наук, главный научный сотрудник
Адыгейский республиканский институт
гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева
председатель

Адыгейского отделения Российского Союза

профессиональных литераторов

г. Майкоп, Республика Адыгея

Kuek Asfar Sagidovich

Chief Researcher the Adygea Republican Institute
of Humanitarian Studies named after T. Kerashev

Maykop, Republic of Adygea

ТАНЦЫ НА РАССВЕТЕ. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ЭКСКУРС**В ПРОШЛОЕ: ЭТЮДЫ О ВОЙНЕ****DANCING AT DAWN. HISTORICAL AND CULTURAL EXCURSION INTO****THE PAST: SKETCHES ABOUT THE WAR**

Аннотация: статья посвящена событиям Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, отношению народа, людей к трагическим событиям через призму морально-этических качеств, показывается внутренний мир героев. Каждый, кто принимал участие в боевых действиях или был тылу, осознавал, что от него зависит судьба страны. Война обнажает внутреннее содержание как личности, так и этнического сообщества. Установлено, что морально-этические качества человека в период борьбы за свое Отечество могут символизировать понятия патриотизма и мужества, что, несомненно, может стать примером для подрастающего поколения. Кроме разрушений городов, сел, инфраструктуры, происходили и трагические события с людьми. История судьбы одного человека на войне преломляется в общую трагедию всего наро-

да, по которым нами прослеживаются философские понятия закономерности случайности и общего, и частного.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, жизнь на войне, солдаты, трагедия личности, случайность, закономерность.

Abstract: *the article is devoted to the events of the Great Patriotic War of 1941–1945, the attitude of the people to tragic events through the prism of moral and ethical qualities, the inner world of the heroes is shown. Everyone who took part in the fighting, or was in the rear, realized that the fate of the country depended on him. The war exposes the inner content of both the individual and the ethnic community. It has been established that the moral and ethical qualities of a person during the struggle for their Fatherland can symbolize the concepts of patriotism and courage, which, undoubtedly, can become an example for the younger generation. In addition to the destruction of cities, villages, and infrastructure, tragic events also occurred with people. The story of the fate of one person in the war is refracted into the common tragedy of the whole people, according to which we trace the philosophical concepts of regularity of chance and, general and particular.*

Keywords: *the Great Patriotic War, life at war, soldiers, tragedy of personality, chance and regularity.*

Историю одной пожилой женщины из аула Гатлукай Адыгеи, которая спасла трех советских солдат во время немецкой оккупации, мне рассказал фольклорист, кандидат филологических наук Биназик Тлехас. «Когда немцы зашли в наш аул Гатлукай, трое молодых солдат Советской армии еще находились здесь, не успели уйти. Ясно, что, если их поймут, расстреляют на месте. И тогда одна пожилая женщина из нашего аула спрятала их в небольшом лесу. Мать всегда мать, в данном случае ее не остановила опасность, сработал материнский инстинкт. Под предлогом того, что она выгоняет овец, телят или козу, она часто уходила в лес, тайно от всех носила им еду.

Но ее выследили полицаи из ее же аула, арестовали, кинули в сарай и потребовали, чтобы она указала место, где скрываются советские солдаты. Она

сказала, что не знает ни о каких солдатах, тогда ее избили и сказали, что повесят утром, если не скажет, где они прячутся. Ночью ей помогли незаметно спастись, в скором времени и немцы покинули село, она продолжала им помогать, затем мужчины помогли перебраться к своим, и они остались живы» [1].

Нужно сказать, что все солдаты были родом из Украины. Закончилась война, и через некоторое время в аул приехали гости – те, кого она спасла. Весь аул встречал и провожал их, и это было весьма трогательным событием. Каждый год парни приезжали к названной матери, пока она была жива, и память о ней у них сохранилась навсегда. Не свидетельство ли это гуманистических принципов человеколюбия, толерантности в адыгском обществе?

Я родился в ауле Лакшукай, недалеко от Гатлукая, где отец преподавал в школе математику и физику, а наши корни идут в аул Кунчукохабль, куда мы переселились попозже. Но мое детство прошло в Лакшукае, и мне были знакомы и близки ровные чистые поля, густой лес поблизости. Старшие нам рассказывали о том, что в Лакшукае прошли ожесточенные бои с немцами. Мы, дети, еще не раз находили боеприпасы в окрестностях аула, не один из наших сверстников подорвался на них – так война регулярно напоминала о себе.

«Мне было четырнадцать лет, – рассказывала моя мать Кулина Хамедовна Куек, – когда в родном ауле, где родилась и выросла, Джаракае попала под обстрел немецкого самолета. Благодаря одному мужчине, который находился в ауле после ранения, мы спаслись, и он нам сказал, что нужно делать, чтобы уберечься. Война – самое большое зло, что люди придумали. По сведениям очевидцев здесь, в Лакшукае, в боях с немцами, погибли более пятисот солдат и офицеров Советской армии. Они все находятся в братской могиле в центре аула, ты сам их видел (нас школьников по праздничным дням не раз приводили к обелиску в память о погибших солдатах). Их подвиг бессмертен, поэтому память о них должна сохраняться всегда» [2].

То, что память о погибших за свободу Отечества нужно свято хранить, проявилось и в Лакшукае. Когда началось строительство Кубанского водохранилища, более десяти тысяч адыгов, не считая русских, проживавших в хуторах

и поселениях, попадавших под затопление, были выселены с традиционных мест обитания и переселены в нынешний город Адыгейск, или частично распределены в близлежащих аулах, куда море не дошло. Людям дали возможность перезахоронить своих предков из старых кладбищ рядом с новым их поселением. Лакшукайцы тоже перевезли останки тел из кладбища своего аула. Потом собрались и сказали: «И эти тоже наши», раскопали братскую могилу и останки солдат и офицеров тоже перевезли, как и своих, на новое место поселения. Не свидетельство ли это толерантного отношения адыгов к представителям других народов, где гуманистические идеи достаточно высоки?

Жизнь вскрывает потаенные глубины человеческого миропонимания. Иногда человек, который слыл среди людей порядочным, жил вроде бы праведной жизнью, при определенных обстоятельствах показывает свою изнанку. О таком факте, произошедшем в адыгском ауле Панехес, мы узнали от его жителей, которые написали о таком эпизоде накануне 9 мая.

Адыги говорят, что «сосед – это штаны», так как он ближе, чем родственники, он раньше всех успевает прийти к тебе в минуты радости или беды. «Перед войной мой отец работал на ответственной работе в райкоме партии, а мать была передовой дояркой, и ее избрали депутатом райсовета, – рассказала жительница Панахеса М. (информант просила не указывать ее имени, т.к. рассказ об их соседях по аулу). – Когда началась война, и враг подступил близко к Адыгее, отец ушел в партизаны, предварительно попросив соседнего старика, чтобы в его отсутствие он при необходимости оказывал посильную помощь его семье. В то время в семье была старшая дочь, лет пятнадцати, два брата, погодки и самому маленькому было три года, я тогда еще не родилась. Соседи всегда были в ладу, между усадьбами лишь маленький плетень, калитка никогда не запиралась. Старик обещал позаботиться о семье, и отец со спокойной душой ушел.

Мать подоила корову, поставила вскипятить молоко, и только она потянулась за чугуном, чтобы снять его с печки, соседка забежала и крикнула: «Немцы!». Мать вздрогнула и опрокинула на ноги кипящее молоко, обожглась,

упала и потеряла сознание. Когда она очнулась, соседка помогла ей обмотать белой тряпкой обожженные ноги. Мать сказала детям перейти к соседу старику и спрятаться под кроватью, а чтобы немцы не смогли обратить внимание на красавицу дочь, предварительно измазала ее сажей и одела в лохмотья. Те быстро покинули двор, а она не могла ходить и на четвереньках, плача и обливаясь слезами, тоже направилась к соседу. Во дворе уже располагались немцы, которые посмотрели на нее с недоумением.

Мать тоже залезла под кровать и закрыла собой детей. И тут заходит сосед старик и кричит: «Советская власть на четвереньках приползла ко мне что ли! Если ты думаешь, что за мной ты найдешь место, куда можешь спрятаться, глубоко ошибаешься! Слишком долго ты работала на эту собачью власть!». Мать вздрогнула, вылезла из-под кровати, и спросила: «Что тебе сделала Советская власть, и что мы тебе сделали?». А тот открыл окно и крикнул: «Коммунист, стрелять надо!». Тут мать еще раз потеряла сознание. Очнувшись, она увидела, что сидит на стуле, ноги в теплой воде в тазу, немецкий офицер в очках моет ей обожженные ноги. Затем он высушил их чистой белой тряпкой, намазал чем-то, перевязал бинтом и что-то строго сказал старику на немецком. Тот не понял, но сообразил, что надо помочь офицеру положить ее на кровать. Уходя, он очень недовольно взглянул на старика. Когда немец вышел сосед старик сказал: «Ничего, вот вернутся Советы, и я им расскажу, как немец тебе мыл ноги! Я вам покажу, собачья стая, вон отсюда!». Тогда мать сказала детям немедленно вернуться домой и спрятаться на сеновале, куда и сама со слезами на глазах переползла.

Боль потихоньку уходила, и мать перестала плакать. В это время открывается дверь и заходят два немецких солдата. Мать перепугалась, но те поставили посередине чугунок, рядом положили какой-то белый сверток, и как зашли, так и вышли. Самый маленький сполз с сена и решил посмотреть, что в свертке, но мать остановила его, мало ли что могло там находиться, сама посмотрела, что в чугунке и что в свертке. Оказался наваристый кукурузный суп с мясом, хлеб и

невиданные доселе немецкий шоколад. И тут мать подумала: «Кто же фрицы здесь, сосед старик или эти немцы, которые помогли ей...».

К прошедшему через горнило войны и выжившему в селе было особое отношение, так и было с отцом. Тем более, что он из партизанского отряда вернулся с обожженными на морозе ногами, и все стремились выразить ему радость, что удалось вернуться живым к своему очагу. Раньше всех обычно это делал сосед, но он днем не показался. «Кто знает, чем он занят, вернется, вечером зайдет», – подумал отец. Но соседа и вечером не было, наступила глубокая ночь, и тогда он не зашел к нему. Тогда отец поинтересовался у матери, в чем дело. Тогда она рассказала ему все, что тогда случилось, отцу стало не по себе, и он вышел во двор. Матери показалось, что она слышала приглушенный мужской плач...

Утром отец позвал к себе старших сыновей. «Ваша мать мне рассказала о том, что случилось. Ни плохого, ни хорошего я об этом не стану вам говорить. Бог всем судья, каждый за себя перед ним в ответе, и сосед тоже. Я понимаю, что вами движет, но с сегодняшнего дня не срывайте больше его калитку, не опрокидывайте его туалет, или сапетку. Ослушаетесь – я вас не знаю, вы меня не знаете...». Но все же они иногда тайно мстили соседу, а тот приходил к отцу и жаловался, а отец выслушает его, и обычно говорил: «Олахэ, ты соблюдаешь обычаи, зачем кому-то тебе вредить?». Так прошли годы, в семье еще родились две девочки, дети выросли. Хотя все они тоже знали, что случилось между соседями, молчали, как отец им велел: «Война войной, а соседи остаются в одном ауле, и старшим, и младшим еще долго жить, возможно, пока аул будет существовать» [3].

Есть адыгейская поговорка, которая гласит, что нет человека, которому сделали бы люльку и затем не вскопали бы могилу. Так пришло время соседу старику умирать, и тогда он прислал за отцом соседнего семейства. Когда тот вошел, старик попросил оставить их наедине. Никто не слышал, о чем они говорили, что сказали друг другу, в тот же вечер старик умер. А сосед никому не сказал, о чем его попросил в последний раз старик, и он со временем тоже унес

с собой эту тайну. Адыгство требует выдержки, если есть возможность, обрати обидевшего тебя к Всевышнему, у него весы, на котором соизмеряются добро и зло...

Интересна история русского кузнеца в адыгской кузне. Дело в том, что кузница – сакральное место, и никогда в адыгском селе не бывало кузнеца другой национальности. Кузнец должен быть своим, он оберегал достаток и изобилие села, как говорил адыг – кузнец из адыгского селения Уад-Сира в Иордании Индрис Шапсуг: «Все от наковальни – и оружие, и орудия труда, инструменты, без которых никак не обойдешься. Кузницы играли самую важную роль в жизни села, но времена меняются, вместе с ней меняются и люди, и условия их жизни. Вместо кузниц в села приходят большие кирпичные строения, цеха и заводы, там необычные сварочные аппараты, болгарки, дрели, электропилы. Они приходят, а кузницы уходят из аула, унося с собой часть нашей жизни. Кузнец уходит из кузницы, а с металлом начинают работать другие, те, которым металл не может открывать свои тайны. Уходят кузницы, уходят кузнецы и вместе с ними память о наших предках, как будто разрывается генетическая нить, связывающая прошлое с настоящим, а будущего, видимо, не будет, если не сохраним настоящее, а настоящее без прошлого...» [4, с 171].

Но все-таки в некоторых аулах сохранились кузни, которые оберегают счастье и изобилие родного села. Таким я увидел добротную кузницу в ауле Козет в конце 80-х, когда, будучи журналистом областной газеты, был в командировке в Тахтамукайском районе Адыгеи. В окрестностях села располагалась кузница, и каково было наше удивление, когда нас встретил русский белобрысый кузнец и на чистом адыгском языке приветствовал нас:

– Шьукъеблагъ! (Добро пожаловать).

– Как ты оказался в адыгской кузнице, – спросили мы его, – это сакральное место, и здесь обычно работают только свои, из своего села, железо просто так не отдастся кузнецу.

– А кто сказал, что я здесь чужой? – удивился молодой кузнец, – меня воспитал дед Ёска (Юсуф Тлише), – он же мне и оставил эту кузню в наследство,

как он говорил «нарт Тлепш (главный кузнец в адыгском героическом эпосе «Нарты» оставлял своим ученикам кузницы». Для деда Ёски эта наковальня была очень дорога. Такой нигде нет, не только в Адыгее, уверен и по всей стране. Это трофей с войны – из Берлина он привез эту наковальню, когда другие привозили вещи. Представляете, каких усилий стоило довести ее до Козета! У этой наковальни особая мелодичность, как у серебра...

Кузнец взял большой молоток и маленький, начал ими играть на наковальне, и действительно, нам послышалась музыка, особая музыка наковальни и кузницы.

– Дед Ёска был такой мастер, что второго такого найти было невозможно, – продолжил кузнец разговор о своем наставнике. – Все инструменты, что вы здесь видите, он сам сделал. Сейчас сварка есть, а он мог приварить одну деталь к другому лучше, чем нынешняя сварка. Он был бог в этой кузнице, как нарт Тлепш, и о нем он рассказывал нередко. Говорил, что небо нартов раньше было железным, и есть связь неба с железом земли, прежде чем начать обработку металла, они несколько звездных ночей держали его во дворе. Он жил кузницей, и когда совсем постарел и ничего не мог уже делать, приходил сюда, чтобы черпать здесь силы. Жар горна, запах закаляемого изделия, музыка наковальни «сыджа» – это ему, уже тяжело больному, помогало, поддерживало, ведь кузница была его вторым домом, и здесь горел его огонь. Он мне доверил эту кузницу, и мечтаю когда-нибудь передать ее в надежные руки...

Так наковальня – трофей из Берлина, оказалась в адыгском селе, там научился кузнечному делу у адыгского кузнеца русский кузнец, сохранивший сакральность кузни, что, несомненно, является феноменом.

Танцы на рассвете... В ауле Пшизове жил ветеран Великой Отечественной войны Индрис Датхужев. На войне он потерял ногу и стал инвалидом в тридцать три года. Он был одним из самых известных танцоров в селе, где говорили, что «свадьба, где нет Нэхуата (так его звали близкие), это не полноценная свадьба».

Когда ему ноги скосило станковым пулеметом и он потерял сознание, пролежал несколько часов в яме, пока его не нашли и не спасли санитары. Вердикт врачей был категоричным – ампутировать обе ноги. Он очнулся, когда врачи готовили его к операции, и стал просить врача, чтобы ему сохранили хотя бы одну ногу, и аргументировал это тем, что он танцор. Врач спросил его: «Ты что собираешься танцевать одной ногой?». На что он ответил: «Да!» и опять потерял сознание. Врач решился и сохранил ему одну ногу, что теперь ему позволяло продолжить неоконченный танец, пусть на одной ноге, пусть сидя, но он же танцевал! Он так любил танцы, что еще долгое время по ночам видел сны, где он танцует, и его неоконченный танец прерывается войной...

Когда он поведал мне об этом, я удивился, обычно старик был немногословен, лишь иногда рассказывал интересные эпизоды и события из жизни адыгов, но тему войны не поднимал, впрочем, многие солдаты не любили рассказывать о войне. А я, как родной племянник его жены Чабакан, часто бывал у них еще со школьных лет, затем будучи студентом, затем корреспондентом, заведующим отделом областной газеты «Социалистическэ Адыгей». И каждый раз старик радушно приветствовал: «Дорогой гость из Бжедугии (территория адыгского субэтноса бжедугов) приехал к нам в гости, кьеблагъ, сынок, кьеблагъ!».

Это был высокий, худощавый старик, которому уже было давно за восемьдесят, с мужественными чертами лица, с орлиным носом, голубоглазый, всегда наголо стриженный. В очередной раз, когда я приехал к ним чтобы проведать их, были Первомайские праздники, и День Победы на носу. День был солнечным, теплым, он сидел во дворе под большим деревом ореха. Старик пригласил меня к столу, тетя обрадовалась и удалилась накрывать стол, а я сел напротив Индриса.

– То, что я сейчас тебе расскажу, мой сын, я никому еще не поведал, даже твоей тете, – сказал Индрис, в его глазах я заметил затаенную грусть. – Ты журналист, пишешь, и, если, когда-нибудь будешь писать о войне, вспомни об

этом эпизоде. Дело в том, что я регулярно вижу один и тот же сон, который помню в деталях на протяжении уже пятидесяти лет.

У нас в ауле были опытный гармонист с друзьями трещеточниками, и искусный хатяико (организатор свадьбы), которые традиционно организовывали свадьбы, не только в нашем ауле, их даже приглашали в твою Бжедугию. Когда они вели свадьбу, никто не думал о времени, всем было интересно. Они знали, какой танец кто любит в ауле, и какой парень хотел бы с кем потанцевать. Мы же тогда были холостыми, одни нам нравились, другим мы, молодость она же прекрасна, – старик улыбнулся. – Хатяико знал, что мне одна девушка нравится, и каждый раз приглашая меня в круг, выпускал со мной именно ту, с которой я хотел танцевать. Оказывается, он об этом предупреждал девушку, которая следит за порядком и выпускает с полукруга девушек, которые стояли напротив нас, парней.

Я очень любил быстрые танцы, особенно Каракамыл (Къэрэкъамыл – быстрый танец, посвященный девушке Каре). Когда я танцевал, ног под собой не чувствовал, как будто летал по кругу. А как она танцевала, в такт, плавно, словно птицей порхала. И вот я стою, жду своего времени и хатяико дает мне понять, что следующим буду я. Я еле сдерживаю себя, предвкушая, что сейчас выйду в круг, и начну танцевать, как всегда, не чувствуя под собой земли, вклинивая в воздух носки ног, как кинжалы.

Мы начинаем танцевать, и я забываю все на свете, вижу только круг, где танцуем, ее мимолетный взгляд. Как принято у нас на свадьбах красивый танец приветствуют ружейной стрельбой, чем лучше танцует пара, тем больше выстрелов и это не заставило себя ждать. Скоро пороховой дым начал обволакивать круг, и ружейная стрельба вдруг перешла в пулеметную дробь, да не в простую, а станковую. Сквозь эту бледную завесу я вижу, что пули летят на меня, и я пытаюсь уклониться от них, но почему-то мои быстрые ноги становятся ватными, и я не могу сдвинуться с места. Мгновение – и я падаю, а прекрасная музыка гармонии следом начинает «лаять», затем звенящая тишина...» [5].

Как дальше рассказывал Индрис, очнувшись от сна, он обычно садится на кровать, чтобы погладить ноющую ногу, но, когда протягивает руку, он касается пустого места... болит нога, которой больше нет. Блеклый свет за оконным стеклом свидетельствует о скором наступлении рассвета. Такие танцы на рассвете он видит с тех пор, как закончилась эта война, и каждый раз они будоражат его сердце. На войне он потерял ногу, как потерял и свое самое любимое увлечение – танцы, и между жизнью до войны и жизнью после войны образовалась пропасть, разрыв реального времени...

Первое время, когда он вернулся домой без ноги, после предрассветного сна, не ходил на свадьбы. Но как жить в ауле и не делать то, что делают все, и он, пересилив себя, на своей деревянной ноге ковылял до дома, где проходили торжества. Сидя в первых рядах и наблюдая за молодежью, он радовался красивыми танцами своих земляков, и сам пытался танцевать сидя на месте – одной ногой.

Прошли годы, и ему стало тяжело так танцевать, тогда... он начал танцевать пальцами рук. А когда уже он окончательно уселся в свой хачец и перестал ходить на мероприятия в ауле, продолжал свой танец перед экраном телевизора в своих мыслях. Так война нанесла ему телесные и душевные раны, которые оставили на теле и в сердце неизгладимые шрамы.

Эти этюды о войне – это отголоски трагических событий Великой Отечественной войны, которые отзываются в наших сердцах напоминая о том, что Отчизна превыше всего.

Список литературы

1. ПМА (полевой материал автора). Тлехас Б.Г., 1935 г.р. Гатлукай. Записано 12.11.1988 г.
2. ПМА. Куек К.Х., 1924 г.р., Кунчукохабль. Записано 12.05.1987.
3. ПМА. Ъ. 1946 г.р. А. Панехес, записано 25.04.1999.
4. Куёк А.С. Танцы на рассвете / А.С. Куёк // Повести, рассказы, эссе. – Майкоп: Адыг. республик. кн. изд-во, 2007. – С. 357.

5. ПМА Датхужев И.Б., 1910 г.р. аул Пшизов. Записано 04.05.1985.

Автор:

Куёк Асфар Сагидович – д-р филол. наук, главный научный сотрудник, Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, председатель Адыгейского отделения Российского Союза профессиональных литераторов, г. Майкоп (Россия), e-mail: asfar52@mail.ru;

Author:

Kuek Asfar Sagidovich – Chief Researcher the Adygea Republican Institute of Humanitarian Studies named after T. Kerashev, Maykop (Russia).